

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСНОЙ (ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ) ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО И ЕЕ СВЯЗЬ С КРИЗИСНОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ

PSYCHOLOGY OF THE POSSIBLE AND ITS RELATIONSHIP WITH CRISIS PSYCHOLOGY¹

Знаков В. В., доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник лаборатории психологии развития
Института психологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Znakov V. V., G. PhD in Psychology, Professor,
Chief Researcher, Laboratory of Developmental Psychology,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

В статье представлены теоретические контуры психологии возможного.
The article presents the theoretical outlines of the psychology of the possible.

Ключевые слова: психология возможного, кризисная психология.

Keywords: psychology of the possible, crisis psychology.

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических, изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Событие оказывается для субъекта критическим, если оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия. При этом произошедшие изменения сопровождаются не кратковременными эмоциями, а стойкими аффективными реакциями.

Казанский психолог А. О. Прохоров называет такие ситуации необратимыми (Прохоров, 1998, с. 30–32). Он изучил характерные признаки психических процессов, возникающих у людей, попадающих в такие ситуации. У них наблюдаются изменения в психических процессах. Для памяти в необратимой ситуации характерна амнезия («ничего не помню», «память отключена») или концентрация воспоминаний на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00032

объекте утраты («вспоминала все, что связано с моим братом», «все, что связано с дочкой, ее игрушки, где играла, что носила», «вспоминала глаза, которые хотели жить»). «При необратимых ситуациях (в острый период) опрашиваемые отмечали резкое ухудшение мышления: «мысли путались, ни на чем не могла сосредоточиться», «ничего не соображала», «черные мысли о целесообразности существования» (Прохоров, 1998, с. 30). В необратимых ситуациях у людей возникает сумбурность речи, трудность в подборе слов, причитания, иногда заикание или невозможность говорить. Внимание характеризуется высокой концентрацией на объекте или ключевых элементах ситуации: для необратимых ситуаций характерна погруженность в боль, утрату, горе. «Интересны различия в динамике психических процессов у мужчин и женщин. В отличие от женщин, течение психических процессов у мужчин было менее эмоционально окрашено. При этом описания у мужчин были более логичны, рациональны. Однако для них были характерны более крайние мысли – о самоубийстве и нежелании жить» (Прохоров, 1998, с. 32).

Характерная особенность критических событий – это не только их внезапность, неожиданность для человека, но и неопределенность. Неопределенность относится к будущим возможностям совладания с последствиями произошедшего. И таких возможностей, как правило, не одна, перед человеком раскрывается целый веер возможных вариантов поведения. В этом контексте можно сказать, что современная психология возможного тесно связана с кризисной психологией.

В отечественной психологии исследования возможного интересны и разнообразны. Например, категория возможного представлена в понятии «аффорданс». Большое число исследований направлено на психологический анализ предвосхищения и прогнозирования. А. В. Брушлинский изучал эти феномены применительно к мыслительной деятельности.

Л. И. Анцыферова, анализируя трудные жизненные ситуации, рассматривала прием «антиципирующего совладания» и описывала феномен возможного будущего. Е. А. Сергиенко подчеркивает, что при изучении модели психического большую роль играют вторичные репрезентации, которые «позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы» (Сергиенко, Уланова, Лебедева, 2020, с. 17).

О. К. Тихомиров в рамках разработанной им и развиваемой его учениками теории смысловой регуляции мышления анализировал

феномен эмоционального предвосхищения. Сегодня одна из учениц О. К. Тихомирова, Т. В. Корнилова, рассматривает мышление как процесс движения к возможному, тому, что пока еще не мыслилось, не приходило в голову субъекту познания. Без этого изучение мышления оказывается неполным и поверхностным.

Следовательно, главная идея заключается в направленности на исследование сопричастности человека к возможному.

Таким образом, исследования предвосхищения, прогнозирования, антиципации в психологии интересны и разнообразны. Однако следует заметить, что в подавляющем большинстве из них изучаются процессы, происходящие внутри конкретной ситуации, деятельности: при решении задачи возможное открывается мыслящему субъекту в виде новых, ранее скрытых от его внимания сторон объекта.

Психология возможного появилась тогда, когда весь мир стал рассматриваться учеными как океан возможностей. Соответственно основная задача психологии возможного отличается от целей исследования прогнозирования: не поиск проявлений этого феномена в конкретной деятельности, а анализ новых возможных задач, которые ранее не были известны ученым.

В психологии возможного значительное место занимают исследования субъекта и личности. основополагающей работой, в которой категория «возможного» была включена в научный арсенал психологии личности, стала статья Х. Маркус и П. Нуриус (Markus, Nurius, 1986). В ней «возможное» используется для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе.

В психологии личности категория «возможного» применима ко всему спектру интерпретации – от четко осознаваемого субъектом понимания-знания своего внутреннего мира до бессознательного понимания-постижения, с трудом поддающегося вербализации и осмыслению. Выражаясь метафорически, можно сказать, что при психологическом анализе личности на левом полюсе континуума «сознательное – бессознательное» оказываются осознаваемые субъектом и потому перечислимые альтернативные возможные Я, на правом – личность как экзистенциальная тайна. Между ними находится личностный кризис, который Ф. Е. Василюк характеризовал как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации.

В российской психологической науке, опираясь на идеи Х. Маркус о возможных Я и философии возможного М. Н. Эпштейна, психологию

возможного как целостное направление психологических исследований личности впервые описал Д. А. Леонтьев (2011). Развивая мысль М. Н. Эпштейна на материале психологии личности, он отмечает, что существует целый ряд психологических феноменов, относящихся к области возможного, но не порождаемых причинно-следственными закономерностями. Такие феномены не необходимы, но и не случайны, они недетерминированные, возможные.

Усилия Д. А. Леонтьева по развитию антропологической модели, уже включающей контуры психологии возможного, безусловно, следует признать весьма продуктивными и интересными.

В современной психологии одним из важнейших является вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего в жизни человека. Что более значимо для поведения: прошлый опыт, знания, умения, навыки, полученные в онтогенезе воспитания и обучения, или природные задатки, генетические основания развития психики? Б. М. Теплов применительно к способностям развивал идеи о ключевой роли задатков, в то время как П. Я. Гальперин считал, что правильное обучение – это залог творческого развития безграничных возможностей советского человека. Постепенно эта проблема трансформировалась в задачу определения соотношения прошлого и будущего, влияния полученных ранее знаний на прогнозирование возможных вариантов поведения человека.

Сегодня в психологии возможное представлено во всем временном диапазоне – в прошлом, настоящем и будущем. Возможное как антиципация, прогнозирование при решении мыслительной задачи, аффордансы в экологической психологии – все это уже традиционные проблемы психологической науки.

Почему же только сегодня психологи заговорили о возникновении психологии возможного как целостной и относительно самостоятельной научной области? Потому что ее новизна заключается в новом фокусе внимания ученых – акценте на возможном как неожиданном, невероятном, неправдоподобном. Неудивительно, что такое возможное сначала воспринимается понимающим субъектом как невозможное и немислимое.

В психологии возможного на одном полюсе фокуса внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. На противоположном – возможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта; знание о них нередко полностью противоречит его опыту.

Связующим звеном, своеобразным мостом между указанными полюсами в психологии возможного является фундаментальное научное положение об искомом в мышлении человека – прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи.

А. В. Брушлинский писал: «Мышление, выступающее как открытие новых знаний, вместе с тем всегда включает и использование уже имеющихся знаний. Процесс мышления есть одновременно и движение знания в нем (хотя, конечно, знание и мышление не одно и то же). Поэтому и любое предвосхищение еще неизвестного, искомого решения возникает не просто как функция прошлого знания, прошлого опыта, а только в ходе актуального мыслительного процесса решения именно данной, конкретной задачи. Сам по себе прошлый опыт необходим, но недостаточен, чтобы детерминировать поиски неизвестного» (Брушлинский, 2006, с. 359).

Искомое связывает известное из прошлого опыта и прогнозируемое неизвестное. Решая мыслительную задачу, субъект устремлен в возможное будущее: он ищет неизвестное, которого пока еще не знает, потому что оно для него из-за своей неопределенности не существует, но он надеется его открыть в будущем – на последующих стадиях мыслительного процесса. Анализ неизвестного как связующего звена между адаптивным и преадаптивным возможным показывает, что, с одной стороны, оно явно связано с предыдущей мыслительной деятельностью субъекта, возникает на ее основе; с другой стороны, искомое как возможное будущее отличается неизвестностью, неопределенностью, изначальной нечеткостью.

Еще одним мостом между двумя типами возможного, между прошлым и будущим, в психологии личности является феномен «возникающего» (Костромина, 2021), который анализируют Н. В. Гришина и С. Н. Костромина.

Возникающее как новообразование личности неразрывно связано с прошлым, но устремлено в еще не ставшее, не сформировавшееся будущее. Возникающее – это уже не прошлая личность, но еще не будущая.

Исследование возникающего становится актуальным при переосмыслении процессуального подхода, анализом и интерпретацией которого много лет занимался А.В. Брушлинский. Сегодня «фокус исследования в процессуальном подходе смещается на потенциально возможное, а объектом исследования выступает не существующее, а возникающее» (Брушлинский, 2006, с. 8). Это позволяет ученым увидеть возникающее в личности в потоке изменений в новых обстоятельствах.

С экзистенциальной точки зрения феномены «искомого» и «возникающего» – это типичное проявление «бытия между»: они формируются на границе возможного и невозможного, содержательно связывающей их.

Развернутый анализ эмпирических исследований по психологии возможного представлен в монографии (Знаков, 2021).

Теоретико-методологические основания психологии возможного следует искать в исследованиях, проводимых в четырех научных направлениях:

- философия возможного;
- историко-эволюционная концепция преадаптации к неопределенности;
- применение принципа необходимого разнообразия в науках о природе и обществе;
- реализация научных представлений о неопределенности мира человека, модусах возможного и соответствующих им способам мышления человека.

Первым теоретико-методологическим основанием этой области психологического познания является философия возможного М. Н. Эпштейна (2001).

Второе основание – это историко-эволюционная концепция преадаптации к неопределенности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018). А. Г. Асмолов с коллегами на основе теории открытых неравновесных систем, принципов возникновения порядка из хаоса И. Р. Пригожина анализируют сдвиг установки познания от анализа адаптивных к преадаптивным моделям эволюции. Преадаптации (предварительные адаптации) – это свойства живых организмов, отражающие их способность приспосабливаться к пока еще не осуществленным, а только возможным формам взаимодействия со средой. Ключевой точкой анализа является вопрос о том, «можно ли рассматривать преадаптацию в качестве конструктивного фактора, позволяющего эволюционирующей системе при встрече с неопределенностью осуществлять переход от “режима трендов” (предвосхищения изменений на основе прошлого опыта) – к инновационному “режиму конструирования иных миров”?» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018, с. 81). Адаптации рассматриваются как стабилизаторы деятельности живых систем, их направленности на соблюдение требований уже сложившейся среды, поддержание стабильности в пределах некоторой устоявшейся нормы. Преадаптации потенциально могут использоваться только в будущем. При новых, отличающихся от нынешних условий существования, они появляются

раньше, чем в них возникнет необходимость. Неопределенность задач, перед которыми объективно поставлена любая живая система, является сущностным свойством мира. Вследствие этого решение таких задач оказывается условием развития системы. Система изменяется при «сбоях» адаптивных специализаций, уже утвердившихся на основе прошлого опыта, а также посредством реорганизации при участии преадаптаций, нацеленных на непредсказуемое будущее. «Из сказанного следует, что адаптация связана с постепенной трансформацией того, что уже есть; преадаптация же относится к скачкообразной качественной реорганизации системы, освобождающейся от “диктатуры прошлого опыта”» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018, с. 88).

Фактически это означает, что эволюция происходит в двух режимах – режиме трендов (реконструкции возможного) и режиме новаций (конструкции вне-возможного). Процессы адаптации в режиме трендов направлены на удержание существенных переменных системы в заданных пределах. В биологии это гомеостаз, в социальных науках обычаи, ритуалы, традиции, установки, регламентирующие фиксированное адаптивное поведение людей. «Все перечисленные явления объединяет следующее: построение образа будущего опирается на вероятность повторения прошлого опыта и логику развития предшествующих событий. Именно такая вероятностная оценка перспективы характеризует адаптирующуюся систему, поскольку, прогнозируя будущее, она всегда отталкивается от уже обретенного и апробированного “багажа” знаний, навыков и компетенций» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018, с. 90).

В режиме новаций условием конструирования вне-возможного, преадаптивным ответом живой системы на неопределенность будущих вызовов является избыток разнообразия. Именно избыток разнообразия позволяет живой системе успешно функционировать в режиме ожидания того, чего не было в ее прошлом опыте.

Третье теоретическое основание психологии возможного – принцип необходимого разнообразия. Повышение разнообразия признаков и рост вариативности – один из важнейших критериев эволюционного прогресса. В частности, в культуре принципиальное значение для прогресса имеют сохранение своеобразия разных цивилизаций, культурно-языковое многообразие и плюрализм традиций (Иванченко, 1999, с. 30).

Более обобщенными и фундаментальными являются представления об избыточном многообразии в мозговых структурах и культуре,

на основе которых формируются разные варианты возможного. Такие представления разрабатываются в нашем институте в лаборатории Ю. И. Александрова, но я пока не готов их детально анализировать.

Наконец, в качестве четвертого теоретического основания психологии возможного следует рассмотреть научные представления о неопределенности мира человека. Сегодня у психологов ссылки на исследования И. Р. Пригожина, Н. Талеба и других стали интеллектуальной модой, «хорошим тоном», однако в большинстве случаев упоминания о них грешат чрезмерной генерализацией, обобщением на все ситуации человеческого бытия.

Умные и современно мыслящие психологи пытаются описать психологические феномены исключительно в терминах случайности, неопределенности, неравновесности. Это видно в статьях о понимании (Кияткина, Шадриков, 2021), личности (Гришина, Костромина, 2021), детерминации психики (Погожина, 2015) и других значимых для нашей науки проблемах.

В этом можно усмотреть современный вариант позитивизма и физикализма, присущее психологии XX в. стремление описывать психические явления в терминах, характерных для физико-химических систем. Авторы подобных исследований вряд ли со мной согласятся и, возможно, будут правы. В соответствии с ориентацией современной науки на применение возможностного мышления (о нем я скажу позже) это не только неудивительно, но и вполне оправданно.

Следует ясно понимать, что в мире человека по-прежнему существуют ситуации, при описании которых возможное развитие событий нужно основывать на прошлом знании, на классическом причинном детерминизме. Например, одинаковые выводы о запасе прочности моста через реку сделают все специалисты, обладающие инженерными знаниями. Возможные верные выводы здесь единичны, в то время как неверных – бесконечное множество.

Совсем иную почти непричинную природу имеют события и явления в экзистенциальной реальности. И даже если причинные основания есть, они остаются неведомыми для понимающего субъекта. Прогнозы о том, кто из родившихся сегодня младенцев станет великим артистом или ученым, у кого из них в зрелом возрасте возникнет онкологическое заболевание, действительно имеют неопределенный стохастический характер. Это происходит потому, что влияние множества генетических и средовых факторов на психическое и биологическое развитие для нас

является случайным, принципиально непостижимым. Трудности понимания связаны с редкостью, малой вероятностью, неожиданностью происходящего в экзистенциальной реальности мира человека.

В этих случаях будущее практически нельзя понять, основываясь только на прошлых знаниях, нужно применять возможностное мышление, которое анализирует разные варианты возможного и фактически ищет альтернативы самому себе.

В современной науке традиционные размышления мыслителей и ученых о соотношении возможного и действительного привели к возникновению представлений о возможностном мышлении. В частности, один из самых значимых результатов научных дискуссий о переосмыслении содержания эмпирической реальности в квантовой физике, биологии и других областях естествознания заключается в том, что «все большее значение приобретает модальное, возможностное мышление, которое противопоставит анти-реализму и выводит на арену "сверхреализм", требующий реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное. В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: "Существовать – значит мыслить возможное" (*Esse ergo cogitare possibilium*)» (Карпенко, 2015, с. 36). Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей.

Возможностное мышление направлено на оспаривание познающим субъектом своих же мыслей о понимаемом предмете, превращение знания о нем в конструктивное незнание. М. Фуко и теоретически, и практически анализировал феномен возможностного мышления, отвечая на вопрос: «До какого предела можно мыслить иначе, чем мыслим мы?». Он писал: «Но что же представляет собой сегодня философия – я хочу сказать, философская деятельность, – если она не является критической работой мысли над самой собой? Если она не есть попытка узнать на опыте, как и до какого предела возможно мыслить иначе, вместо того чтобы заниматься легитимацией того, что мы уже знаем? В философском дискурсе всегда есть нечто смехотворное, когда он хочет извне навязывать непреложные законы другим, указывать другим, где находится их истина и как ее обрести, или самодовольно берется рассудить все их дела в наивной позитивности; но исследовать, что в его собственном мышлении может быть изменено благодаря упражнению, в которое

он превращает чужое для него знание – здесь философский дискурс в своем праве» (Фуко, 2004, с. 14–15). «Мыслить иначе» значит критически переосмысливать свою интеллектуальную позицию, приобретая знания о скрытом и неизведанном как о подлинном.

Позднее М. Н. Эпштейн высказал сходную точку зрения. Он писал: «Однако для меня высшую интеллектуальную ценность имеют не самоочевидные, а наименее очевидные, “странные” утверждения и вообще категория “странного” (ее можно связать с “остранением” В. Шкловского и тезисом Аристотеля, что философия рождается из удивления). Ее можно определить как “наименее вероятное суждение”. Для меня важно писать, думать и говорить вещи, которые кажутся наименее вероятными, и при этом как можно более строго их обосновывать. Выявлять логику их “странности”. Делать очевидным далеко не очевидное» (Номоскриптор, 2020, с. 565).

Итак, современная психология возможного включает две большие группы феноменов. Первая состоит из того, что традиционно изучалось в нашей науке. Это аффордансы, прогнозирование, антиципация, антиципационная несостоятельность и другие феномены, основанные на прошлом знании и способствующие поддержанию психической системы в устойчивом состоянии.

Связующими звеньями между первой и второй областями являются искомое и возникающее.

При исследовании второй группы феноменов психологи должны уделять основное внимание противоположному полюсу анализируемой области психологической науки: пониманию возможного как преадаптивного феномена, характеризующего нестабильные ситуации, возникновение которых нельзя предсказать.

Нужно анализировать случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, немыслимом и вне-возможном.

В научном познании одним из воплощений феномена опережения непредсказуемых изменений (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) можно считать модель «серендипити» (Merton, Barber, 2004). Английское слово *serendipity* означает способность к открытиям благодаря случайности или прозорливости, обнаружение фактов, открытие которых не планировалось. Серендипность это свойство научного ума, основанное на интуитивной прозорливости и позволяющее ученому делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего

он не искал намеренно. Так были открыты рентгеновские лучи, пенициллин, сахарин, принцип работы микроволновой печи.

Нередко в науке факт считается аномальным, удивительным потому, что он кажется несовместимым с превалирующей теорией или с другими установленными фактами. Серендипность мышления позволяет исследователю не только обращать внимание на такие факты, но и интерпретировать, понимать их. В западной науке серендипность активно изучается в медицине, истории, информатике и других науках. По моему мнению, исследования этого феномена в психологии интересны и перспективны.

Несмотря на теоретико-методологическую направленность представленных в докладе оснований психологии возможного они имеют непосредственное отношение к практике кризисной психологии. Я имею в виду прежде всего не традиционные психологические проблемы антиципации, прогнозирования и тому подобное.

В основе новых проблем психологии возможного лежат неопределенность проблем мира человека и преимущественно неосознаваемые способы их решения. Невыразимый травматический опыт, личностные тайны, невозможное, мотивы и цели высказывания постправды, понимание невысказанного. Такие события и ситуации характеризуются подавлением иррационального рациональным, расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта. Психологический анализ таких проблем актуален и перспективен.

Литература

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М. : Акрополь, 2018.
2. Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
3. Гришина Н. В., Костромина С. Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
4. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
5. Иванченко Г. В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999.
6. Карпенко А. С. В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Вып. 20. С. 36–72.

7. Кияткина А. Д., Шадриков В. Д. Понимание как преодоление неопределённости // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 3. С. 435–443.
8. Костромина С. Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30.
9. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
10. Погожина И. Н. Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель // Национальный психологический журнал. 2015. № 3(19). С. 35–45.
11. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
12. Сергиенко Е. А., Уланова А.Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
13. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект. 2004.
14. Эпштейн М. Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001.
15. Homo scriptor / Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна; под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 384–404.
16. Markus H., Nurius P. Possible selves // American Psychologist, 1986. V. 41. № 9. P. 954–969.
17. Merton R. K., Barber E. The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton N. J: Princeton University Press, 2004.

УДК 159.9

ЖИЗНЕННЫЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

LIFE MODELS OF RUSSIAN YOUTH

Костромина С. Н., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, Президент Санкт-Петербургского психологического общества (г. Санкт-Петербург, Россия)

Kostromina S. N., G. PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology, St. Petersburg State University, President of the St. Petersburg Psychological Society (St. Petersburg, Russia)